

Лус

**Совершенный
дворянин
из Жлертона**

Аннотация

Каков он, образцовый дворянин? Каким представляли его в эпоху рыцарства и каким он должен был быть в эпоху Ренессанса?

К каким идеалам стремился юный воспитанник Клермонского коллежа?

Как постулаты книги Кастильоне повлияют на формирование характера того, кто станет потом всем нам известным Атосом, одним из четверки героев Дюма?

О том, что могло бы быть до того, как начались события «Трех мушкетеров», о знакомстве Портоса и Атоса и начале пути.

Lys

Совершенный дворянин из Клермона

«Атос всегда верен себе, — подумал епископ, — хорошее всегда хорошо».

А.Дюма. «Виконт де Бражелон, или десять лет спустя»

I

Сеньор Перес

Сеньор Перес очень любил то, чем занимался, хотя трудно было бы одним словом описать род его деятельности.

Кроме самого Переса (и его духовника) никто точно не знал, кто он такой и откуда взялся. Сеньором его тоже не называли, хотя признать в нем испанца не составляло труда. Правда, внешность его была лишена той сумрачной утонченности, какой очаровывали дам благородные идальго. Он был простым человеком. Темная кожа и глубокие складки на лице делали его похожим на старую обезьяну. Как многие из его соотечественников, Перес был истым католиком, а его преданность ордену Иисуса не знала границ.

Он жил при Клермонском коллеже и ученики в шутку называли его «святым покровителем Пересом Клермонским». Прозвище вызывало у испанца бессильную ярость. Он считал его святотатством и грозил мальчишкам кулаком, после чего неизменно крестился, закатив глаза и вознося горячую молитву на каком-то испанском диалекте.

Поскольку Пересу не дано было уродиться доном, ему пришлось многому научиться за свою жизнь и ко многому приспособиться. Он знал массу ремесел, хотя ни одним не владел в совершенстве; умел делать все понемногу и охотно пробовал что-то новое. Он годами не обновлял платья, самостоятельно справляясь со стиркой и штопкой, а все деньги, которые платил ему ректор, относил в церковь, оставляя себе самую малость на пропитание.

В том, что касалось хозяйства, Перес следил за имуществом коллежа больше, чем иные бдят за собственным. Он чинил, приводил в порядок, исправлял, красил, менял старое на новое и осыпал проклятьями несносных мальчишек за их неугомонное желание все ломать и носиться по двору, вытаптывая траву.

Ночью Перес выполнял обязанности сторожа, и ему несколько не лень было по многу раз обходить здание, заглядывая во все углы.

Он брал по галерее внутреннего двора и

бормотал себе под нос, что навес надо бы привести в порядок — доски местами прогнили и прогибались под весом налипшего снега.

Задирая голову и щурясь, Перес разглядывал деревянные крепления, отмечая про себя особо опасные в этом смысле места.

Занятый «инспекцией», он не сразу услышал голоса, доносившиеся из-за двери ректорской библиотеки. На самом деле это была просто комната — в свою личную библиотеку ректор никогда не пускал не только учеников, но и просто посторонних. Однако, не желая видеть в своих покоях малолетних «варваров», он, тем не менее, считал необходимым знакомить их с теми сокровищами мысли, что собрал за свою долгую жизнь. Компромиссом между этими желаниями и стала комната, прозванная учениками «ректоромской библиотекой».

Система была проста: ученик, желающий получить книгу для работы, извещал об этом отца Лазара — секретаря ректора. После беседы с наставником ученика отец Лазар решал, достоин ли ученик такой чести и хватит ли у него ума для работы с запрошенным источником. Нередко ученику предлагались другие книги, которые подходили уровню его развития, и крайне редко — книги более сложные, чем просил ученик.

Окончательное решение принимал ректор.

Если оно было положительным, ученик получал книгу на точно определенное количество часов и ни минутой больше. Выносить книги за пределы «ректорской библиотеки» было строжайше запрещено, как и делиться ими с теми, кто одновременно работал в комнате, а таких, как правило, было до пяти-шести человек. За порядком следил отец Лазар — он выдавал книги, и он же нависал неумолимой тенью над тем, кому пора было книгу сдавать. Ученик, закончивший читать, тут же изгонялся из комнаты, дабы не возникало у него искушения заглядывать в работы других.

Об этом порядке в коллеже знали все, в том числе и Перес. Поэтому голоса из «ректорской библиотеки» в такой час, когда все ученики давно должны были покинуть здание, заставили его подумать о ворах. Бродяг в Латинском квартале хватало, да и сами студенты порой выглядели так, что немногим отличались от них. Пересу были известны случаи, когда нерадивые ученики, давно выгнанные из своих коллежей, оставались жить в Латинском квартале и с легкостью превращались из вчерашних студентов в сегодняшних бандитов. Они шлялись по трактирам, добывали пропитание игрой в кости и карты, и не брезговали «пощупать» карманы одинокого прохожего.

Перес достал широкий тяжелый нож, с которым никогда не расставался, и на цыпочках

подкрался к двери. Голоса теперь слышались явственнее — несколько человек запальчиво вели спор на латыни.

Перес сунул нож за пояс, и его лицо приобрело свирепое выражение:

— Niños!¹

Он резко распахнул дверь и остановился на пороге. В комнате только что горела свеча, белесый дымок еще был виден и в воздухе ощущался характерный запах нагретого воска. Но свечу поспешно потушили и Перес тщетно напрягал глаза, стараясь разглядеть в темноте тех, кто притаился по углам.

Мальчишки не подавали признаков жизни, но Перес явственно ощущал их присутствие.

— Выходите, шалопаи! — угрожающе крикнул он. — Ну?

Слева от Переса послышался легкий шорох, испанец повернул голову и тут же кто-то из всех сил толкнул его в бок. Перес не устоял и опустился на одно колено, упершись руками в пол. Мальчишки ринулись к выходу. Перес извернулся и попытался ухватить хоть кого-нибудь, но окончательно потерял равновесие и шлепнулся на спину.

¹ Юнцы, мальчишки (исп.)

Вслед ученикам понеслись ругательства, но это не могло их остановить.

Резвая стайка одним духом промчалась по двору. Цепляясь за металлические завитки, мальчишки ловко перелезли через уже запертые ворота и, как горох, «высыпались» на мостовую улицы Сен-Жак. Смеясь, они распрощались друг с другом и направились в разные стороны. Через несколько минут у ворот Клермонского коллежа снова стало тихо и из темноты выступали лишь едва заметные очертания зданий — безмолвных и мрачных свидетелей ночной жизни.

Двое из «*piños*» добежали до угла и свернули на Сент-Этьен-де-Гре. Коллеж остался у них за спиной, а дальше, в глубине улицы, можно было различить ямы и оставленные на ночь высокие деревянные козлы — там добывали песчаник.

Мальчишки — один крепкий, коренастый, лет 13–14 и другой, помладше — тонкий, гибкий — остановились отдышаться.

Младший шумно выдохнул:

— Как это мы забыли про «святого Переса»?

— Вы слишком увлеклись этими стихами. Неужели нельзя было почитать днем?

— Как Вы не понимаете, Тардье! Если бы отец Лазар увидел, что де Круа тайком переписал их, нам бы еще не так влетело, — и со смешком добавил, — нам еще рано их читать.

Крепыш пожал плечами:

— Ничего такого, глупости одни. А вот где мы теперь будем ночевать? Пересидеть до утра в коллеже уже не получится.

— Может, попроситься к канонику церкви Сент-Этьен-де-Гре? Тут совсем рядом и он нас знает.

— Ла Фер, Вы что, забыли, что было в прошлый раз? Он принял нас за чертей и своими воплями перебудил всю улицу. А его служанка — вот уж кто настоящая чертовка! — выплеснула на нас помои. Хорошо, что не попала.

Ла Фер звонко рассмеялся:

— Я помню! Так забавно.

Тардье хмыкнул:

— Да, есть о чем рассказать. Но что нам делать сейчас? Если мы останемся на улице, мы замерзнем.

Он потопал ногами и несколько раз энергично хлопнул себя по бокам:

— Чертовски холодно! А может... У Вас есть деньги?

— Нет, я собирался остаться в коллеже и отослал слугу.

— Слугу ладно, но деньги-то с ним зачем?

— А что Вы хотите?

— Можно пойти в трактир, снять какой-нибудь угол до утра. Вряд ли это будет очень

дорого, как Вы думаете? — Тардье порылся в кошельке. — Черт, у меня совсем мало, разве что на одну бутылку вина.

— Вы что, всерьез собрались в трактир?

Тардье помялся:

— Так больше некуда. Я знаю один неплохой. Когда ко мне приезжал старший брат, он водил меня туда. Дорогу я помню.

Младший подросток колебался:

— Мы... не должны ходить в такие места. Лучше пойти домой. Вы можете переночевать у меня.

— В Ситэ? И что, мы дойдем? В такое время? Да нас прирежут по дороге! Или, в лучшем случае, поймает стража. У нас даже завалящего ножика нет.

Ла Фер вздохнул:

— Нам не разрешают носить в коллеж шпаги.

— А-а-а, — Тардье с досадой махнул рукой, — не напоминайте. Сами видите, у нас просто нет другого выхода.

— А... что это за трактир?

— «Сосновая Шишка». Это в сторону ворот Сен-Женевьев, рядом с аббатством. Не думайте, это не какая-нибудь дыра, место вполне приличное.

— Хорошо, только сначала давайте постучим к канонику. Может нам повезет?

— Ну, давайте, я, в общем, не прочь. Тогда и идти никуда не придется.

Но им не повезло. У каноника никто не выглянул поинтересоваться, что за полуночные гости скребутся в дверь. Тогда, поплотнее завернувшись в плащи, мальчишки бегом припустили по улице, желая как можно скорее оказаться в тепле.

II

Сосновая Шишка

«Сосновая Шишка» была известным заведением, и многие студенты предпочитали этот трактир всем другим. То, что ни Тардые, ни Ла Фер близко еще не познакомились с этим местом, объяснялось только их юным возрастом — им было рановато шататься по трактирам.

Мальчишки и сами понимали это, но именно поэтому изо всех сил старались напустить на себя уверенный вид, когда перешагнули порог веселого кабачка. Невзирая на поздний час, там было много народу, и новоявленные «гуляки» с трудом нашли место, чтобы пристроиться.

— Видите? — шепнул Тардые. — В этой толпе нас никто не заметит. Только поспать не удастся.

— А когда кабак закроют?

— Что-нибудь придумаем. По-крайней мере, тут тепло.

Они устроились поудобнее, прикрывшись плащами, и сидели тихо, стараясь не привлекать ничьего внимания.

Вокруг не только играли, орали и пели песни. Вокруг еще ели и пили, и мало-помалу у мальчишек стало урчать в желудках.

Тардые еще раз проверил свой кошелек и вздохнул:

— Придется потерпеть. Не хочу сразу спускать все. Мало ли...

Он не договорил, поймав чей-то

внимательный взгляд, направленный на его деньги. Тардье поспешно сунул кошелек в карман и с рассеянным видом уставился в потолок, изображая скуку.

— Эй, малец, что там у тебя?

Из-за соседнего стола к Тардье потянулась рука — не слишком опрятный молодой человек ухватил мальчишку за плечо.

— Покажи.

Тардье инстинктивно прижал руку к карману и молодой человек пьяно рассмеялся:

— Ага! Значит, деньги? Давай их сюда. Мне пора выпить.

— Я Вас не знаю, оставьте меня в покое.

— Давай по-хорошему, *quidquid latet apparebit*² — выворачивай карманы!

— У нас нет ничего спрятанного, — вмешался Ла Фер. — Мы просто зашли погреться.

Молодой человек не обратил на это внимания и, не отпуская Тардье, придвинулся вплотную к столу.

— *Redde, quod debes*,³ — вкрадчиво, с угрозой, сказал он.

² Тайное становится явным (спрятанное проявляется) (лат.)

³ Отдай, что должен (лат.)

— Мы ничего Вам не должны, и, к сожалению, не можем Вас угостить, volo, non valeo⁴ — сдержанно заявил Ла Фер, в свою очередь, придвигаясь к Тардые.

Пьяный обернулся и прищурился.

— Умник, да? Тут все такие. Откуда вы?

— Мы... из Клермона.

Ла Фер тихо охнул и схватил Тардые за руку, но было поздно. Ничего не понимая, Тардые растерянно повторил:

— Из Клермона, а что?

— Иезуиты? — поднял брови молодой человек и громко, на весь трактир переспросил, — Collegium Societatis Iesu?⁵

Теперь уже не одна голова повернулась в сторону мальчишек.

— Клермонцы... Иезуиты... Шпионы...

Тардые, озадаченный такой реакцией, невольно обвел взглядом зал. Трактирщик все видел, но предпочел не вмешиваться. Основная часть посетителей не обратила внимания на назревающую ссору, но те, кто проявил интерес, были явно на стороне пьяного.

⁴ Хочу, но не могу (лат.)

⁵ Содружество общества Иисуса (лат.)

Среди посетителей выделялась группа молодых людей — у них была богатая, изысканная одежда и надменные улыбки. Сами никого не задирая, они смотрели вокруг с нескрываемым превосходством.

Это были «наваррцы» — воспитанники Наваррского коллежа, высокомерные отпрыски знатных и богатых семей, многим из которых прочили блестящую политическую и военную карьеру.

Тардье указал глазами на «наваррцев» и тихо спросил Ла Фера:

— Знакомы?

— С некоторыми, но мы не друзья, — так же тихо, не шевеля губами, ответил Ла Фер.

— Черт.

Молодой пьяница не мог расслышать быстрых реплик, которыми обменялись мальчишки, но он уловил взгляд Тардье, заметил закушенную губу Ла Фера, и все понял. С мерзкой улыбкой он процедил:

— *Ignis fatuus*.⁶ Никто не станет заступаться за питомцев Клермона.

— А Вы, конечно, студент Сорбонны? — вежливо-высокомерно поинтересовался Ла Фер.

— Уже нет, — смеясь, выкрикнул кто-то.

⁶ Призрачная надежда (лат.)

— Неважно, — огрызнулся бывший студент. — Хватит шуток.

Он ослабился и вынул нож:

— Давай деньги.

Мальчишки переглянулись и Тардье, тяжело вздохнув, медленно выложил кошелек на стол.

Вымогатель перевел вопросительный взгляд на Ла Фера.

— У него ничего нет, — мрачно буркнул Тардье. — Не трогайте его.

— Что, малец, правда, пусто? — подмигнул пьяный.

Среди наблюдавших эту сцену раздались смешки.

Ла Фер вспыхнул и сжал кулаки, но лезть на взрослого, вооруженного ножом мужчину, было бессмысленно.

Пьяный вытряхнул кошелек и пересчитал деньги.

— На сегодня хватит, — неожиданно философски-спокойно заявил он. — Считайте, что вам повезло, юнцы. Этот урок почище тех, что дают иезуиты. А теперь марш отсюда, пока вас страже не сдали на радость вашему ректору. Ведь я не поленюсь, позову...

Криво улыбаясь и, не сводя глаз с мальчишек, он демонстративно сделал несколько шагов в сторону двери, но налетел на юношу, который

несколько минут назад вошел в трактир в сопровождении двух друзей и медленно шел между столами, выискивая свободное место.

Юноше было около 17–18 лет. Он был худощав и долговяз, но прекрасно сложен, так что эти, казалось бы, недостатки внешности, в будущем сулили преимущества — изящную, гибкую фигуру и длинные, стройные ноги. Лицо отличалось не столько красотой, сколько красотью, и юноша выглядел весьма довольным собой. Когда пьяный молодчик налетел на него, он высокомерно выдвинул подбородок, но отреагировал с отменным хладнокровием:

— Будьте осторожнее, сударь. Тут тесно, но достаточно имеется места, чтобы дать Вам оплеуху.

Из-за сильного иностранного акцента казалось, что юноша кривляется, и от этого его слова звучали еще обиднее.

Пьяный вскинулся, но тут же осекся — рука юноши весьма выразительно похлопывала по эфесу шпаги, а рядом стояли его вооруженные друзья. Забияке осталось удовольствоваться раздраженным замечанием:

— Прошу прощения. Надеюсь, я достаточно внятно говорю, и Вы меня понимаете? Потому что я Вас — не очень.

Юноша самоуверенно усмехнулся:

— Я хотел быть вежливым и вот почему

использовал Ваш родной язык. Но если Вы считаете, что я стараюсь ни для чего...

Он повернулся к своим товарищам и что-то сказал по-английски. Те засмеялись. А юноша продолжал бросать отрывистые фразы от которых его друзья хватались за бока.

Пьяный заскрежетал зубами, но ничего не мог возразить — он не понимал ни слова. Тогда, желая уязвить англичанина, бывший студент выложил на стол свой последний козырь — латынь.

— *Per risum multum cognoscimus stultum,*⁷ — высокомерно изрек он.

— *Nulla regula sine exceptione,*⁸ — тут же отреагировал юноша. — Наш смех имеет причину, но невежество не дает Вам оценить это.

— Вы называете невеждой человека, который учится в Сорбонне? — дрожа от злости, бросил молодой человек.

— Ах, Сорбонна! — англичанин пренебрежительно махнул рукой. — Тогда это ясно. У нас в Королевском коллеже нет глупцов как Вы.

— В Сорбонне тоже! — засмеялись в компании за соседним столом. — Его выгнали.

⁷ По беспричинному смеху мы узнаем глупца (лат.)

⁸ Нет правил без исключения (лат.)

Англичанин на несколько дюймов вытащил шпагу из ножен и холодно сказал:

— Убирайтесь, любезный, Вы мне надоели.

Бывший студент, бормоча под нос проклятия, счел за лучшее уйти. В раздражении он совсем забыл о деньгах Тардые, которые так и остались лежать рядом с кошельком. Иностранец равнодушно скользнул взглядом по столу, затем по мальчишкам, и, продолжая беседовать со своими друзьями по-английски, проследовал мимо.

Тардые поспешно убрал кошелек и шепнул Ла Феру:

— Нам лучше уйти отсюда, пока еще кто-нибудь не вспомнил о наших деньгах.

Мальчишки выскользнули из трактира и снова оказались на холодной, темной улице. Для начала они как следует огляделись. Улица была пустой. Их недавний обидчик исчез, поспешив на поиски нового пристанища.

— Да, проучили нас на славу, — задумчиво проронил Тардые.

Ла Фер кивнул:

— Это хороший урок и я его запомню.

— Не бродить ночами?

— Никогда не оставаться безоружным. Я буду просить ректора разрешить мне ношение шпаги в коллеже.

— Иначе Вы бросите учебу?

— Да, — твердо ответил Ла Фер. — Или буду учиться там, где смогу чувствовать себя мужчиной.

Тардье неловко улыбнулся:

— Вы уж совсем... Придет время, и... Просто нам не нужно было идти сюда, глупая была затея. Но я же хотел как лучше. Послушайте, а у Вас тут нет знакомых?

Тардье неопределенно махнул рукой в сторону домов, которые теснились между городской стеной и высокой оградой аббатства святой Женеьевы.

— Вы же почти все время живете в Париже, неужели совсем никого?

Ла Фер отрицательно покачал головой. Тардье грустно вздохнул:

— До утра еще далеко...

— Вообще-то у меня была мысль, только теперь я не уверен, что нам стоит рисковать еще раз.

— Хм... И?

— В Сен-Жерменском предместье живет стряпчий Феру. Он ведёт наши дела в Париже. Граф де Ла Фер слишком занят, чтобы часто приезжать сюда, вот он и дает мне поручения к стряпчему.

— О, так Вы хорошо знаете предместье?

— Неплохо.

— Гм, стряпчий... Он, наверное, живет в конуре, на пару с каким-нибудь писцом.

— Нет, Феру очень почтенная фамилия. Когда-то в Сен-Жермене были большие виноградники, они все принадлежали прокурору Этьену Феру. Местные так и называли их «виноградники Феру». А теперь так называют улицу, где стоит его дом — Феру.

— Представляю, как он нажился, когда продавал землю под застройку!

— Феру и до этого были богаты. Эта семья издавна имеет прекрасную репутацию среди судейских.

— Но этот старый прокурор устроит нам выволочку, если мы заявимся к нему среди ночи!

Ла Фер улыбнулся:

— Он не старый и пока не прокурор. *Тот* Этьен Феру давно умер. А *наш* Этьен Феру — его внук или правнук, точно не помню. Он пока не женат и живет один — родители несколько лет назад перебрались в Ситэ. Это Феру-отец посоветовал графу де Ла Фер своего Этьена. Мы тогда как раз покупали дом на площади Дофина, и граф хотел, чтоб старый Феру занялся этим вопросом. Но у него было слишком много клиентов из-за этой застройки. Сначала граф сомневался в способностях Этьена и хотел найти кого-то постарше и посолиднее, но Феру поручился за сына и обещал в случае провала дела лично возместить все убытки. Мне показалось, что Феру-сын был

задет таким пренебрежением и потому постарался показать все, на что способен.

— А Вы, что же, были там?

— Да, отец всегда брал меня с собой, чтоб я учился.

Тардые презрительно выпятил губу:

— Сделки, стряпчие... как это все глупо и скучно.

— Ну отчего же, Этьен отлично все устроил. Он посоветовал графу привезти наличные вместо того, чтобы подписывать обязательства по выплате на несколько лет. Чтоб достроить Новый мост королю очень нужны деньги и лучше меньше, но сейчас, чем больше, но через год-два. Так как мы внесли всю сумму сразу, Феру добился для нас очень выгодных условий — граф получил полные права на владение домом еще когда только заложили фундамент, и смог устроить внутри все по своему вкусу, вместо того, чтоб получить готовый дом через три года и потом тратить деньги на переделку. Это не считая того, что в итоге дом обошелся нам на четверть дешевле, чем если бы граф поступил как все, обязавшись вносить сумму частями в течение нескольких лет. Так что не так уж и глупо! — рассмеялся Ла Фер. — С тех пор Этьен Феру ведет наши дела в Париже.

— И далеко нам до него добираться?

— От ворот Сен-Мишель я не спеша доходил

за полчаса.

— Идти лучше вдоль городской стены, так безопаснее, — деловито заявил Тардье, подхватывая полы плаща.

— Значит, пойдём?

— Мы через четверть часа уже будем там! В предместье должно быть поспокойнее, чем в Париже.

— Да, там рано ложатся, да и бродяг почти нет, особенно зимой.

— Ещё бы — в такое время в поле околеешь! Это не по трактирам отсиживаться.

За пару минут мальчишки дошли до городской стены и под её защитой без хлопот дошагали до ворот Сен-Мишель. Выбравшись в предместье, они остановились. Ла Фер внимательно осмотрелся и показал приятелю на выделявшиеся среди полей и виноградников высокие темные крыши:

— Видите? Это монастырь Шартрез. Он должен все время быть левее, тогда мы не собьемся. Идем прямо через поле до дороги на Вожирар, а там совсем рядом.

Они припустили бегом, на ходу перелезая, а где и попросту перепрыгивая через изгороди. Откуда-то выскочила собака и с лаем помчалась за ними, но Тардье с размаху дал ей пинка, и пес, скуля, отстал. Запыхавшись, но согрившись от бега,

мальчишки выскочили на дорогу. Едва переведя дух, Ла Фер повел приятеля вдоль домов и остановился перед самым солидным на вид. Вокруг была каменная стена поверх которой мог бы заглянуть взрослый, но мальчишки, как ни тянули шеи, ничего не увидели.

— Высоко, — разочарованно сказал Тардье. — Может, подсадить Вас?

— Там дальше есть калитка. Скорее всего, закрыта, но я сейчас проверю.

— Я лучше с Вами.

Они прошли с десятков шагов, когда услышали чей-то шепот, шорохи и тихий женский смех. Калитка была «утоплена» в некоем подобии ниши и потому те, кто там стоял, были незаметны. Ла Фер предупредительно поднял руку и Тардье кивнул: «Понял, молчу». Парочка, прятая в нише, уже прощалась и через несколько мгновений оттуда выскользнула женщина, на ходу посылающая прощальный поцелуй:

— До завтра!

Увидев притаившихся у стены мальчишек, она ахнула, закрыла лицо руками и поспешно скрылась среди деревьев, окружавших соседний дом. Мужчина, услышав ее вскрик, выглянул из ниши.

Ла Фер сделал шаг вперед:

— Добрый вечер, господин Феру. Это я —

шевалье де Ла Фер.

Этьен Феру нахмуривший было брови, узнав мальчика, озабоченно спросил:

— Добрый вечер, молодой человек. Чем обязан в столь позднее время? Надеюсь, с графом все благополучно?

— Да, благодарю Вас.

— А с графиней?

— Благодарю, все хорошо.

— Я тревожусь, потому что только неотложные дела могли заставить Вас оказаться здесь за полночь. Хвала святому Сюльпицию, — Феру поднял голову и перекрестился на церковный шпиль, выглядывавший из-за крыш, — что Вы добрались целы и невредимы. Епископ Буржа хранит своих беррийцев.

Феру не смотрел прямо в глаза шевалье — это было бы слишком дерзко — но поглядывая исподволь, он внимательно изучал выражение лица мальчика и, кажется, стал догадываться о причинах ночного визита.

Чуть улыбнувшись, он снова спросил:

— Так что за надобность лишила Вас покоя?

— Я не по поводу наших дел.

— Видимо, по поводу *Ваших* дел, — едва сохраняя серьезность, сказал Феру. — Что ж, я уже свободен, и готов уделить Вам и Вашему другу все свое внимание. Прошу в дом!

Этьену Феру было 28 лет, но выглядел он гораздо старше, к чему прилагал немало усилий. Он давно усвоил, что чересчур молодой вид отпугивает клиентов, а брюшко, приличная борода и серьезное выражение лица неизменно вызывают доверие к его знаниям и связям. По природе он был подвижным и веселым, но старался сдерживать себя и двигаться неспешно. К его крайнему огорчению, ему никак не удавалось обзавестись нужным размером талии, и поэтому он носил просторную одежду, стараясь создать хотя бы видимость солидных объемов. Волю своему веселому нраву он давал только в кругу друзей или с дамами (за исключением тех случаев, когда дама была клиенткой), поэтому среди тех, кто знал его близко, он слыл добрым малым.

Пока мальчишки уплетали поданный ворчливой служанкой ужин, Феру с любопытством поглядывал то на одного, то на другого, гадая, каким чудом они могли тут оказаться. Однако он не задал ни одного вопроса — профессия научила его безошибочно выбирать правильную линию поведения. Насколько он успел узнать характер младшего Ла Фера, расспросы ни к чему не приведут. Шевалье найдет самый уклончивый ответ, а к любопытствующему начнет относиться настороженно.

Но раз мальчишка не стал возражать на

предположение, что речь идет о его *личных* делах — вот отличный случай приобрести его доверие. Надо просто подождать, чтоб он сам рассказал то, что посчитает нужным; что касается остального, то Феру полагался на свой опыт — у него хватит ума догадаться, о чем парень умолчит.

Было уже очень поздно, и Тардьё просто засыпал за столом. Ла Фер тоже изо всех сил старался не зевать, но то и дело прикрывал рот ладонью. Служанка уже приготовила постели, и Феру приказал ей отвести Тардьё:

— Идите, а шевалье я проведу сам.

Тардьё сонно кивнул, с трудом пробормотав слова благодарности, и ушел. Феру показал шевалье де Ла Феру его комнату и с самым серьезным видом сказал:

— Спокойной ночи, молодой человек. Не беспокойтесь, утром я пошлю кого-нибудь к Вам домой сообщить, что с Вами все благополучно.

Шевалье вздрогнул и Феру, делая вид, что не понимает причины, еще раз повторил:

— Не беспокойтесь, я все сделаю.

— Господин Феру...

— Да?

— Я хотел просить Вас об одолжении.

— К Вашим услугам.

Шевалье тяжело вздохнул, потом решительно поднял голову и посмотрел в глаза Феру:

— Я сам расскажу о своем отсутствии.

— Вы просите меня никому ничего не говорить?

— Да, оставьте это мне.

— Что ж, Ваше право отвечать за свои действия.

Шевалье снова вздохнул:

— Я ничего плохого не сделал, а чувствую себя ужасно.

Феру осторожно присел рядом с мальчишкой и доброжелательно улыбнулся:

— Может, Вы слишком строги к себе? Я не верю, что Вы что-то натворили.

— Мы задержались в коллеже, читали стихи и забыли о времени. А потом пошли в трактир. Понимаете, — шевалье растерянно посмотрел на Феру, — мы просто не знали, куда нам деваться до утра.

— Я понимаю, на улице холодно.

— Мы не собирались кутить.

— Не сомневаюсь.

— Да и денег у нас не было. У Тардые немного. Там был бродяга, который стал угрожать нам ножом и хотел забрать деньги.

— Боже мой, шевалье, надеюсь, вы ему всё отдали?

Ла Фер помрачнел и кивнул:

— Да. А потом мы ушли оттуда, и я вспомнил

про Вас.

— Шевалье! Вы правильно поступили. Слышите? И не вздумайте себя корить! Почему Вы сразу не пошли ко мне?

— Я не подумал.

— Ох, хорошо, что все закончилось *так!* Я ничего не расскажу ни графу, ни графине, это Ваше дело. Но пообещайте, что, в случае нужды, Вы будете почаще вспоминать обо мне.

Феру улыбнулся и Ла Фер смущенно кивнул.

— Я всегда помогу Вам, если это будет в моих силах. Это уже я Вам обещаю. А теперь не убеждайте меня, что еще не хотите спать — у Вас глаза слипаются. Мне тоже пора отдыхать. Спокойной ночи, шевалье.

— Спокойной ночи. И... спасибо Вам.

Латинский квартал

Как ни рано проснулись мальчишки, а Феру уже был на ногах. Он давно позавтракал и работал у себя в кабинете. Об этом гостям сообщила вчерашняя служанка-ворчунья. Она принесла воды, чтоб умыться, решительно заявила, что никому не будет помогать одеваться (хотя ее и не просили) и напомнила, что завтрак их ждет там, где вчера был подан ужин.

Мальчики заканчивали трапезу, когда в столовую вошел Феру.

— Доброе утро, молодые люди. Судя по отменному аппетиту, отдохнули вы хорошо.

— Доброе утро, господин Феру. Позвольте поблагодарить Вас за предоставленный кров и возможность провести ночь, как подобает христианам, а также...

Феру с подобающей важностью выслушал маленькую, но изысканную речь шевалье де Ла Фера к которой грубоватый де Тардые добавил своё: «Благодарю за еду, постель, и вообще...», и поклонился в ответ.

Отправляя их в коллеж, Феру настоял, чтоб они взяли провожатого. Посмеиваясь про себя, но сохраняя серьезный вид, Этьен заявил недовольным мальчишкам:

— Вам, молодым дворянам, положено быть храбрыми. Но я — человек привыкший к осторожности, и вы должны быть снисходительны к моим страхам. Я просто изведусь от мысли, не случилось ли чего. Если Жиру проводит вас, я буду спокоен.

Феру щелкнул пальцами, и в комнате потемнело — слуга, ожидавший у порога знака хозяина, шагнул вперед, и его огромная тень накрыла всех троих.

— Ох... — сглотнул Тардые, не найдя слов.

Юный Ла Фер промолчал, но его глаза выразительно округлились.

— Да, — самодовольно улыбнулся Феру, — Жиру хороший малый, сын кузнеца.

— Представляю себе его папашу, — пробормотал Тардье.

— Папаша посолиднее будет, — добродушно пробасил Жиру. — Я еще молодой.

Феру закашлялся, тщетно пытаясь скрыть смех.

— Итак, господа, доброй дороги. Не обижайте Жиру, он парень простой, необразованный, но добрый и богобоязненный. Да, забыл сказать, бегают он тоже быстро, не смотрите, что он такой большой.

Мальчишки обменялись мрачными взглядами, а Жиру ухмыльнулся.

— Спасибо за заботу, — сумел выдать из себя шевалье де Ла Фер. — Вы очень любезны.

Феру проводил их до калитки, и, продолжая посмеиваться, вернулся к своим делам.

Жиру действительно оказался довольно шустрым, в чем мальчишки скоро убедились. Желая утомить великана, они почти бежали, но Жиру поспевал за ними без видимых усилий, за один шаг покрывая расстояние, на которое мальчишкам требовалось три. Впрочем, присутствие Жиру оказалось не лишним. Если в

предместье было совершенно тихо, и никто не тревожил туман, лежавший на полях и виноградниках, то за воротами Сен-Мишель, через которые маленький отряд проник в город, была уже другая жизнь. Вместе с утренним светом на улицы стали выползать нищие, бродяги и всякий сброд. Они покидали свои норы, куда их загонял ночной холод, и вновь начинали отчаянную борьбу со своей незавидной судьбой в которой не было места снисхождению к юным и слабым. Кое-где за мальчишками увязывались подозрительные личности, но, видя Жиру, не рисковали приближаться и, пройдя десяток-другой шагов, с недовольным ворчанием отставали.

Чем ближе была Сорбонна, тем чаще стали попадаться на пути группы молодых людей, по внешнему виду которых не всегда можно было с уверенностью сказать, кто перед вами — студент или бродяга. У многих были помятые, опухшие лица, нередко со следами былых драк и недавних попок. Всклопоченный, в разорванном плаще, едва стоящий на ногах юноша, неожиданно раздражался звонким латинским стихом, а его товарищ сладко спал прямо на земле, прижав к груди толстую книгу. И тут же попадался приличный на вид толстяк, шипевший в их адрес грязные ругательства.

Жиру с удивлением поглядывал вокруг и

бормотал себе под нос:

— Ну и порядки! Это что же, все ученые? Упаси Бог!

— Ученые, — хмыкнул Тардье, услышав слова Жиру. — Отребье. Вчерашний англичанин — вот тот был хорош! А, Ла Фер? Он сказал, что из Королевского коллежа? Это там учат держаться эдаким манером?

— Обходительность, куртуазность, правила приличия, пристойность, вежливость, изящество и sprezzatura.

— Вы это сами выдумали?

— Нет, конечно. Это идеал дворянина, согласно Кастильоне.

— Кто этот Кастильоне?

— Автор трактата «О придворном».

— Что-то я не припоминаю такого, это Вам ректор давал читать?

Ла Фер фыркнул:

— Ректор! Он такие книги в руки не возьмет, побрезгует. Слишком мирское.

— А что это последнее — sprezzatura?

— Это по-итальянски. Что-то вроде «небрежность», «непринужденность», в общем, умение с легкостью делать все так, будто вы родились с этим умением, и оно вам ничего не стоит, понимаете? Все! От фехтования и верховой езды, до красивого почерка и сочинения сонетов.

Без видимых усилий.

— Он, значит, итальянец?

— Да.

— Тогда понятно, — пренебрежительно скривил губы Тардье. — Таких лентяев как они еще поискать. Это чтобы ничего не делать, а оно само получалось? Пусть это коню расскажет, что его не нужно объезжать, а он сам должен всему научиться, чтоб такой лентяй-итальяшка мог потом эту свою *sprezzatura* показывать.

Ла Фер засмеялся:

— Не совсем так, понимаете...

— Да все я понимаю, что я, итальянцев не видел, что ли? Даже англичанин и тот, мучается, а учит французский, а этим надо, чтоб само на голову упало.

— Тардье! — смеясь, пытался урезонить товарища Ла Фер.

— Не хочу слушать! И Вы бы поменьше читали эти глупости, еще нахватаетесь. Барон де Тардье совершенно не одобряет эти новомодные штучки. Ему понарасказывали про академию Плювинеля, где все это в ходу, так он сразу заявил, что ноги моей там не будет. Мне тоже не по душе все эти кривляния. Нет, фехтование и верховая езда там поставлены отлично, это все говорят. Но остальное! Танцы, рисование, игра на лютне! Вы можете это вообразить? Математика! Зачем это?

— Математика и умение рисовать помогают постичь искусство фортификации.

— Не знаю, может быть. А танцы?

— Учитель танцев научит не только разным па и поворотам, он покажет как правильно ходить, сидеть, стоять, как и кому отдать поклон, как и кого приветствовать, чтоб вас не приняли за невежу.

— Пусть кто-то примет меня за невежу!
Пожалует.

Ла Фер улыбнулся:

— А если это будет дама?

— Ну, даму я прощу. А вообще, если бы дамы давали уроки, я бы, пожалуй, не стал противиться такой учебе. Почему учителя танцев всегда только кривоногие хлыщи? Если бы у Плювинеля в учителях были дамы...

Тардые мечтательно вздохнул.

Ла Фер с улыбкой покачал головой:

— Нет, там только мужчины. Но зато раз в месяц дают бал, чтоб ученики могли показать себя.

— Хоть что-то. Иначе кто оценит все эти поклоны и приседания? Плювинель?

— Он скорее оценит другое. Мне рассказывали, что с недавнего времени у него стали проводить настоящие военные занятия. Ученики в полном вооружении, пешими или конными, выполняют различные упражнения, будто в настоящей битве.

Мальчишки разом вздохнули.

— Да, — печально заключил Тардье, — нам такого не видать.

Ла Фер неопределенно пожал плечами, и его товарищ сразу насторожился:

— Вы надеетесь когда-нибудь попасть в академию Плювинеля?

— Нет, но господин Бенджамин де Анник его последователь, и, может, он тоже заведет у себя что-то подобное.

— Кто этот Бенджамин?

— Я не говорил? У него академия на улице Добрых Детей, в отеле д'Эльбеф. Я по возрасту еще не могу проходить весь курс и пока беру только частные уроки.

— Так вот где Вы пропадаете все свободное время! И что, тоже учат танцам?

— Да, — с легкой досадой сказал Ла Фер.

— И Вы учитесь?

— Приходится.

Тардье засмеялся:

— «Ходить, сидеть и кланяться»?

— Да, — мрачно буркнул шевалье.

— А на лютне?

— Нет! У меня только танцы, математика и литература.

— Литература? Неужели иезуиты мало забивают Вам голову книгами?

— По словам моего учителя господина Деко, он учит не только изящной словесности, но и *«всем нравственным добродетелям»*. На примерах из античной и современной истории он обучает политике, как высокой, так и практической: как служить королю послом или в другом качестве, в мирное и военное время, как держать себя в битве, будь ты командиром или простым солдатом, как управлять провинциями, городами и крепостями...

Шевалье де Ла Фер осекся на полуслове, потому что Жиру смотрел на него во все глаза с нескрываемым страхом.

Шевалье насупился:

— Он твердит мне это, чтоб я считал его важной персоной, только и всего.

Тардье тоже озадаченно хмыкнул:

— Ничего себе. А как же фехтование?

— Ну конечно! — чуть не с возмущением воскликнул Ла Фер. — Стал бы я все это терпеть, если бы не фехтование и верховая езда! Это — главное!

— Тогда я не понимаю, почему не пойти в академию, где не морочат голову? У Красного Креста есть одна. Она не такая большая, как у Плювинеля, но там есть все, что надо. Держит ее Жан Шерадам. Он, — Тардье засмеялся, — бывший профессор греческого из Сорбонны, но давно бросил это дело. Съездил в Италию, набрался ума и

открыл академию. У нас только верховая езда, но зато не берут плату и принимают всех. Старик, конечно, тот еще чудак, но учителей привез толковых.

— Вы говорили, что все итальянцы — лентяи, — усмехнулся шевалье де Ла Фер.

— Эти — старые вояки, — захохотал Тардье. — Они даже спят в конюшнях. И никаких танцев! Я бы хоть сейчас бросил иезуитов, но барон де Тардье хочет, чтоб я закончил курс, так что пока тоже — только частные уроки. Эх...

Шевалье де Ла Фер тоже вздохнул.

Они уже обогнули квартал Сорбонны, и до улицы Сен-Жак оставалось совсем немного. Мальчишки замедлили шаг.

— Жиру, мы уже пришли, ты можешь возвращаться, — небрежно заявил Тардье.

— Мне велено до коллежа, — невозмутимо ответил Жиру.

— Да над нами смеяться будут! Что мы, маленькие, чтоб нас за руку водить!

— Велено — до коллежа, — упрямо повторил Жиру.

— Если бы на тебе хоть ливрея была, сошел бы за слугу, а так... на нас пальцем будут показывать! Как ты не понимаешь! Ничего с нами не случится, до коллежа рукой подать.

Жиру отрицательно помотал головой.

— Мы очень благодарны господину Феру за заботу, но ведь у него самого достаточно дел, и тебе наверняка есть чем ему помочь. Зачем же заставлять его ждать? Ты прекрасно исполнил его поручение и можешь передать ему нашу признательность, — шевалье де Ла Фер говорил со всей убежденностью, на какую был способен, и Жиру заколебался.

— Говорю же — мы пришли! Два шага осталось! — Тардые неопределенно махнул рукой в сторону улицы Сен-Жак.

— Так давайте пройдем эти два шага, мы больше шли, — резонно возразил Жиру.

Тардые сплюнул, но, оглядев Жиру с ног до головы, промолчал.

Выйдя на Сен-Жак, мальчишки не сговариваясь опустили головы и довольно резво проскочили вдоль ограды Клермона мимо открытых ворот, и не останавливались, пока не дошли до коллежа дю Плесси, вплотную примыкавшего к правому крылу Клермона.

— Все, — решительно заявил шевалье де Ла Фер. — Вот коллеж.

Жиру внимательно осмотрелся. В ворота Клермона, оставшиеся позади, то и дело входили молодые люди и подростки, вполне похожие на учеников. Те, кто шел в коллеж дю Плесси, заворачивали за угол и Жиру усиленно шевелил

бровями и морщил лоб, стараясь заставить работать свой неповоротливый ум.

— А почему некоторые идут туда?

— Там тоже есть вход, — пояснил Тардье, умолчав, что это вход в другой коллеж.

— Тогда мы тоже должны войти.

— Хорошо, — раздраженно согласился Тардье. — *Туда* можно войти, — и он решительно двинулся вперед.

Напротив коллежа дю Плесси был Королевский коллеж. Их разделяла очень узкая улица, и в это время по ней было трудно пройти, чтоб не задеть локтем очередного студента. Особенно плотная толпа собралась между раскрытыми воротами. Мальчики заметили среди зевак немало знакомых лиц и не только из родного Клермона. Центром общего внимания оказался еще один знакомец — вчерашний англичанин. Он был в другом платье, еще более изысканном, чем накануне, и имел на удивление свежий вид, будто и не шатался полночи по трактирам. Уперев одну руку в бок, другую он картинно положил на эфес шпаги. Изящная осанка, длинные ноги, красивая форма которых подчеркивалась удачно подобранными чулками, горделиво повернутая голова — он резко выделялся среди студентов по большей части лохматых, сутулых и небрежно одетых. Он не суетился, не смеялся и со

спокойствием статуи смотрел на стоявшего напротив юношу, который сунув руки за пояс, словно какой-нибудь плотник или бочар, пытался насмешками вывести его из себя. На одну особо язвительную шутку англичанин улыбнулся краешком рта, ровно настолько, чтоб это выглядело вежливо, но без тени любезности, но опять ничего не сказал.

— Да он, видно, язык проглотил, заедая нашим сыром наше вино! Бедняга! В Англии, поди, с голоду пух — там кроме гнилых яблок ничего не сыщешь!

Юноша хлопнул себя по коленям, довольный собственным остроумием, и захохотал. В толпе некоторые засмеялись, но большая часть студентов с интересом ждала ответа англичанина. Тот, не меняясь в лице, пожал плечами. В этом жесте было столько презрительной снисходительности, что теперь смех раздался уже в адрес юноши, который покраснел и схватился за шпагу.

Англичанин мгновенно ожил. Его движения напоминали иллюстрацию из трактата по фехтованию — четкие, красивые, эффектные. Юноша был обезоружен раньше, чем успел понять, что произошло.

— Я извиняю Вас, — высокомерно заявил англичанин, — до следующего раза, который — я могу обещать — будет последним в Вашей жизни.

Юноша с растерянным видом подобрал свою шпагу и поспешил скрыться в толпе. Среди студентов воцарилась тишина. Похоже, не только неудачливый остроумец понял, что англичанин совсем не шутит.

Англичанин же, словно ничего не случилось, убрал оружие в ножны и снова принял прежнюю картинную позу. Спустя несколько минут появились те, кого он ждал, и кого он приветствовал сердечно и с улыбкой. Тардье и Ла Фер узнали вчерашнюю компанию.

Не обращая ни на кого внимания, словно они были тут одни, англичане, оживленно переговариваясь, скрылись за воротами Королевского коллежа.

— Это что ли Ваша *sprezzatura*? — с демонстративным пренебрежением, но с явной завистью в глазах, поинтересовался Тардье.

— Какой... — восхищенно выдохнул Жиру. — Даже веселее, чем на ярмарке в Сен-Жермен. Я там видел в балагане...

Шевалье де Ла Фер бросил на Жиру рассерженный взгляд:

— Не суди о том, в чем не разбираешься!

Жиру обиженно умолк и выпятил губу.

— Ты можешь вернуться к господину Феру, мы больше не нуждаемся в твоих услугах, — твердо заявил шевалье. — Иди.

Жиру колебался долю секунды, но потом поклонился и побрел прочь.

Тардые лукаво блеснул глазами:

— Вы, как я погляжу, тоже не зря трактаты читали. Идемте, а то иезуиты нас заждались. Перес наверняка нажаловался, так что будет нам головомойка со всей «непринужденностью» и «без всяких усилий»!

Ла Фер вздохнул и невесело улыбнулся:

— Идемте, смелых удача целует. «Святой Перес»!

IV

Гораций

Отец Бине бросил быстрый взгляд на дверь — он ждал отца Лазара с утренним докладом. Под рукой, на столе, лежали приготовленные для работы бумаги: письма, ожидавшие прочтения, записка казначея с недельным отчетом, дополнительные тексты, подготовленные преподавателями для учеников и требующие одобрения ректора, список книг, которые

планировалось приобрести для библиотеки...

Дел было невпроворот, впрочем, как обычно, но вместо этого Этьен Бине слушал Переса, ни словом, ни взглядом не давая тому понять, как испанец некстати.

— ...и они сидели там, сеньор ректор, и жгли свечу, и читали вот это... — Перес протянул неряшливо оборванный листок, и с горячностью продолжил повествование о проделках негодных «niños».

В коллеже знали, что Перес все и всегда рассказывает ректору. Сам отец Бине не видел в этом ничего дурного. Это не было доносом, потому что ни для кого не было тайной, а многих мальчишек от проказ удерживала именно уверенность, что их шалости обязательно станут известны ректору.

Мысли отца Бине были заняты текущими делами; несмотря на внимательный вид, он слушал Переса вполуха, но этого было достаточно, чтоб он уловил главное — кто-то стащил ключ от «ректорской библиотеки», мальчишек было четверо или пятеро, Перес никого не успел разглядеть, осталась улика — листок.

— Ваша бдительность, господин Перес, заслуживает нашей искренней благодарности, — ректор слегка склонил голову.

Улыбка превратила щеки Переса в подобие

печеных яблок и испанец довольно заворчал:

— Кому, как не мне...

Отец Бине с легким вздохом перекрестил Переса — он знал, что без этого испанец не уйдет — и сосредоточился на том, что было написано на потерянном мальчишками листке. Уже после первых строк глаза ректора широко раскрылись и он выразительно кашлянул: «Или я очень ошибаюсь, или это де Круа!».

Де Круа давно был его головной болью. Отец Бине уже не единожды заговаривал с сиром де Круа о том, что его отпрыску не место в Клермоне. Мальчик сообразителен и обладает прекрасной памятью, но он совершенно не склонен к систематическим и педантичным занятиям. Он мечтает о битвах, любовных приключениях и славе и, насколько мог судить ректор, весьма преуспевает в фехтовании и любых упражнениях, где требуется показать свою ловкость и силу. Из него выйдет великолепный воин и, со временем, он украсит любое светское общество. Лучшее, что можно для него сделать, это отдать в одну из академий, где будут преподавать милые его сердцу предметы.

Единственной причиной, по которой отец Бине не настаивал на своем мнении, были финансы. Он знал положение семьи де Круа, и понимал, что академия, даже самая скромная, им не по карману. Но дальше так продолжаться не могло. Мальчику

уже исполнилось четырнадцать, и, чем дальше, тем более дерзкими становились его выходки; он всей душой рвался на волю, видя в иезуитском коллеже свою тюрьму.

Отец Бине набросал тезисы письма к сирю де Круа и отложил их для секретаря.

Дверь тихо отворилась, и в кабинете появился отец Лазар. Стараясь не беспокоить ректора, он скользнул к столу и стал неслышно перебирать предназначенные ему бумаги.

— Сначала прочтите вот это, — отец Бине постучал пальцем по листку, — а потом объясните мне, каким образом сие попало к ученикам.

Отец Лазар начал читать, и его глаза, точно так же, как раньше глаза ректора, округлились. Он вчитывался в слова, и его голова дергалась туда-сюда, делая его похожим на принюхивающуюся собаку.

*...Ночь была и в небесах блистала луна
озаренных,
Между мельчайших огней,
Как великих богов оскорблять ты готовая
силу,
Вторила клятве моей;
Жалась тесней ты руками ко мне, чем к
высокому дубу*

Ластится плюц молодой...⁹

— Это невозможно!

*...Теперь Ликиска я люблю надменного:
Девушек может он всех затмить своею
нежностью.*

*Бессильно все из этих пут извлечь меня:
Друга ль сердечный совет, насмешки ли
суровые.*

*Лишь страсть другая разве; или к девушке,
К стройному ль станом юнцу...¹⁰*

— Как же это?

*...То бог, то бог мне не дает
Ямбы начатые — песнь, что давно уж тебе
обещал я —*

*Закончить, свиток скрутив.
Страстью такой, говорят, к
Бафиллу-самосцу теосский
Поэт Анакреонт пылал.
Часто оплакивал он любви своей муки на лире*

⁹ Пер. Фет А. А.

¹⁰ Пер. Гинцбург Н. С.

— Да что же это такое?

— Гораций, «Эподы», — не удержался от саркастичной реплики ректор.

— Я знаю, но...

Отец Лазар перекрестился.

— Но как...

— Вот Вы мне и объясните — «как»?

— Тексты Горация даются ученикам строго выверенными отрывками из его «Од»... — отец Лазар снова посмотрел на листок, — ...де Круа, его почерк! Вот шельмец, изловчился все-таки!

Ректор предупреждающе кашлянул, и секретарь виновато понурил голову:

— Прошу прощения, но ведь сорванец же! Я следил!

Ректор нахмурился:

— Вам нужно быть внимательнее. Вы знаете, что вчера случилось?

— Перес рассказал мне в нескольких словах.

— Тогда скажите, откуда мальчики взяли ключ?

Отец Лазар поспешно сунул руку с карман и расплылся в улыбке:

¹¹ Пер. Гинцбург Н. С.

— На месте! У них нет ключа, тут Перес ошибся.

Ректор с сожалением посмотрел на отца Лазара:

— Как же они попали ночью в «ректорс... в учебную комнату?

Секретарь растерялся:

— Как?

— Где Вы храните запасной ключ?

— О, тут будьте спокойны! — самодовольно заявил отец Лазар. — Место надежное.

— Где же?

— А... Э...

— От меня можете не скрывать, — иронично улыбнулся ректор.

Секретарь смущенно пожал плечами:

— Ну, я спрятал его... за камнем. Там возле учебной комнаты, у входа, один камень в стене некрепко держится, раствор выкрошился и образовалась небольшая ниша. Вот я и... Об этом никто не знает!

Во взгляде ректора отразилась добродушная насмешка к которой примешивалась жалость:

— Никто не знает? Вы забыли, кто находится на Вашем попечении? Это же мальчишки! *Мальчишки!* Кто из вас у кого учится?

Физиономия отца Лазара забавно вытянулась:

— Вы думаете, они догадались?

Ректор хмыкнул:

— Полагаю, вчерашний раз не был единственным. Сейчас без толку проверять, ключ наверняка уже положили на место. Меня больше беспокоит другое. Они, как я понимаю, собирались остаться в коллеже, но Перес спугнул их. Куда они пошли?

Отец Лазар заволновался:

— Одни, ночью, в этом квартале! Лучше бы до утра читали Горация!

Ректор кивнул:

— Я бы тоже предпочел знать, что с ними все хорошо. Пройдите по классам и узнайте, все ли ученики сегодня пришли, нет ли отсутствующих по неизвестным причинам. Может, кто-то хвастался похождениями или, напротив, есть избитые, раненые, не желающие объяснять причин своего состояния. Меня очень тревожит мысль, что мы, пусть невольно, могли толкнуть мальчиков на дурной путь — искать приключений в ночи.

— И что кому-то это могло прийти по вкусу, — задумчиво добавил отец Лазар.

— Идите, и если что-то узнаете, немедленно сообщите. Если де Круа на месте, поговорите с ним.

— О, он не отопрется! Расскажет, где они болтались всю ночь!

— Вы недооцениваете его благородство, — мягко упрекнул отца Лазара ректор. — Он не

выдаст товарищей.

— Но, — возразил секретарь, — если ему показать забытый листок и сказать, что нам все известно, он не станет лгать.

— Согласен. По крайней мере, объясните ему, что его поступок мог привести к серьезным последствиям для других. Он может не называть имен, но пусть сам проверит все ли в порядке с теми, кто был с ним ночью.

Отец Лазар воспользовался первым же перерывом в занятиях, чтоб провести «инспекцию». Ученикам позволялось ненадолго выйти во двор, размяться и подышать воздухом. Радуюсь свободным минутам, мальчики не обращали внимания на отца Лазара, неприметной тенью скользящего по галерее. На память секретарь никогда не жаловался. Он помнил всех учеников (как нынешних, так и тех, кто уже прошел через его руки), так что ему не понадобилось много времени, чтоб убедиться, что все, кому положено присутствовать — на месте, целые и невредимые, во всяком случае, внешне. Мало кто обратил внимание на то, как отец Лазар отозвал в сторону де Круа. Секретарь выглядел настолько обыденно, что даже сам мальчишка, хоть и был настороже, ничего не заподозрил. С самым безмятежным видом отец Лазар сообщил, что имеет поручение ректора обсудить некоторые пункты учебного плана де

Круа, нуждающегося в поправках, и увел мальчика.

— Куда это Лазар его поволок? — задумчиво пробормотал де Тардье. У него были серьезные причины интересоваться делами де Круа, так что маневры секретаря встревожили его. — Ла Фер! Слышите? Хватит витать в облаках! Куда повели де Круа?

— Что?

— Говорю, странно, что нас еще не взяли за шкурку и не встряхнули, как следует!

— Может, Перес не успел нас разглядеть?

— Тогда как они узнали про де Круа?

— Почему Вы думаете, что это из-за вчерашнего? Скорее, просто учебные дела. Вы же видели, до этого отец Лазар беседовал с другими, кого с нами не было. Да он по сто раз на дню решает всякие проблемы с учениками! Если бы про нас узнали, то увели бы вместе с де Круа.

— Поглядим, что будет, когда он вернется.

Но де Круа не вернулся. К концу занятий среди учеников прошел слух, что отец Бине сумел выхлопотать благотворительную стипендию, и теперь мечта де Круа сбудется — он пойдет учиться в академию.

Де Тардье и юный Ла Фер успокоились.

— Вот видите, его ждали хорошие новости!

— Да, — согласно кивнул де Тардье. — На этот раз всем повезло.

— Нам уж точно. Невероятная глупость ходить безоружным!

— Вы опять за свое! Пойдете просить ректора?

— Сегодня счастливый день, — засмеялся шевалье, — желания исполняются. Стоит воспользоваться.

Де Тардые усмехнулся:

— Как у Вас все легко!

Он подмигнул товарищу и с легкой издевкой добавил:

— *Sprezzatura*?

Смеясь и досадуя одновременно, де Ла Фер отмахнулся:

— Оставьте итальянцев в покое! Посмотрим, что Вы скажете, если я завтра явлюсь сюда со шпагой.

— Как бы вместо этого ректор Вам уши не надрал — за дерзость, — проворчал де Тардые. — Помолиться за Вас, что ли?

Он поспешно отскочил в сторону, чтоб избежать дружеского тумака и, смеясь, пожелал товарищу удачи.

Шевалье де Ла Фер действительно чувствовал себя в ударе. Ему казалось, что все очень просто — надо пойти к ректору и объяснить, что он не девчонка, шпага ему крайне необходима, и, конечно же, ректор с ним согласится.